

A man in a dark hoodie is shown in a dark, industrial setting. He is holding a flashlight in his left hand, which is illuminated, and a metal rod in his right hand. The lighting is dramatic, with strong highlights on his face and hands against a dark background.

**ГЕРМАН
ПАЛОЯН**

**ПОБЕГ
С ПЕТРОВКИ, 38**

**МОИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
МОИ НАКАЗАНИЯ**

Герман Сократович Палоян Побег с Петровки, 38. Мои преступления, мои наказания

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68849283
Побег с Петровки, 38. Мои преступления, мои наказания:
ISBN 978-5-6048264-7-8*

Аннотация

Первая книга известного блогера Германа Палояна (MY CRIMES), является правдивым повествованием эпохи конца СССР, начала новой России. Он был сыном благополучных родителей, студентом престижной Бауманки, комсомольским лидером. Однако в сложное для страны и граждан время автор погрузился в криминальные приключения и попал в тюрьму. В местах лишения свободы Герман провел более 10 лет. В данном издании приведены наиболее яркие истории из жизни и профессиональной деятельности автора, психология поведения в различных жизненных ситуациях. Причины, по которым Герман вступил на криминальную стезю? Какие преступления совершал автор? Как проходили задержания и аресты? Где Герман отбывал срока?

Автор и издательство не призывают нарушать законодательство РФ и пропагандировать преступный образ

жизни, а лишь показывают драматическую историю нашего отечества, скрытую от глаз не посвященных.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Герман Сократович Палоян
Побег с Петровки, 38
Мои преступления,
МОИ НАКАЗАНИЯ

© Палоян Г.С., 2022

© Книжный мир, 2022

© ИП Лобанова О.В., 2022

Предисловие

Прежде всего, нужно сказать, что вся история, которую вы прочтаете в этой книге, является лишь моим взглядом на пережитый мною опыт, на систему, со всем хорошим и всем плохим, что в ней есть. Я предпринял попытку описать эту эпоху и высказать моё мнение по этому поводу, выразить мой взгляд на многие явления тех лет. Этот взгляд я никому не навязываю и никого ни к чему не призываю.

Описания уголовного мира, того, как преступники ведут себя на свободе, как они идут на дело, – это лишь слепок той эпохи, в которую мне довелось жить. Кто-то из окружавших меня людей сел в тюрьму на более долгий срок, чем я, кого-то убили, кто-то сломался и сдался, кто-то выдержал все испытания на прочность и остался на плаву. Ставки здесь очень высокие: на кону ваша жизнь и здоровье, жизнь ваших близких и родственников, всех, кто вам дорог.

К жизни, как я неоднократно убеждался, нужно относиться как к игре. У меня жизнь в какой-то момент пошла по рельсам преступного мира, здесь её можно сравнить, пожалуй, с настольной игрой «Монополия». Сюжеты книг, фильмов и сказок зачастую повествуют нам о приключениях главного героя, который проходит через какие-то испытания и растёт над собой, становится лучше в своём деле, совершенствуется.

В моём случае эти приключения проходили в уголовном ключе, и если на это смотреть как на игру, – а на это и нужно смотреть как на игру, – то в ней есть множество правил, они меняются по мере вашего взросления, по мере того, как меняются обстоятельства – на свободе ли, в тюрьме ли... Так же менялась страна на моих глазах, причём несколько раз.

Менялись правила игры в этой стране. Люди, которые считались преступниками раньше, потом стали бизнесменами и совершенно не понимали, почему ещё недавно за это сажали, а теперь они зарабатывают бешеные деньги, и им за это только почет и уважение. Некоторые политики, бизнесмены и даже артисты, скажу я вам, имели уголовное прошлое.

Милиция, которая теперь стала полицией – для них это тоже менялось буквально на глазах, и они тоже не знали, почему так стремительно меняются правила игры. Те, кого недавно сажали на долгие сроки, теперь были под защитой правового поля и порой даже смотрели на них, сотрудников правопорядка, усмехаясь, свысока. Раньше они их сажали, клеймили негодьями, осуждали всей общественностью – теперь они улыбаются им из своих «Майбахов» и особняков, приговаривая: «Ну что, мир поменялся, теперь ты будешь обслуживать нас».

Пожалуй, это затронуло каждого, кто жил на переломе эпох, во времена, когда СССР перерождался в современную Россию, уже постсоветскую страну. Здесь надо отметить такую вещь: все видео на нашем Youtube канале, всё, описан-

ное в этой книге, рассказывает о том, что человеку не стоит относиться к окружающей его действительности предельно серьезно.

Ход моей игры, которую я описываю здесь, может пригодиться следующему поколению. Наша задача – рассмотреть, как это было у меня, какие были приключения, будь то негативные или позитивные. Я был молод, а в молодости, как водится, всё было веселее. Урок из моей истории приходящее на смену поколение должно вынести только один: учитывая тот путь, который я прошел, то количество раз, когда я мог расстаться со своей жизнью, едва ли я могу стать для кого-то примером для подражания.

Более того, перенимая опыт, вы должны не бездумно пропускать его через себя, присваивая его себе, а тщательно и досконально анализировать каждую деталь, рассматривать каждое описанное в этой книге событие с разных сторон, с позиций разных участников.

Я до сих пор считаю, что десять лет, проведенных мною в тюрьме – это небольшая плата, и путь мой мог закончиться совершенно иначе. Такой была моя игра.

Если вы в данный момент находитесь на перепутье, размышляете о том, какой дорогой пойти, какую игру выбрать – мой вам совет: постарайтесь тщательно изучить все правила, все тенденции, все веяния, чтобы остаться в этой серьезной игре под названием «жизнь» надолго. Те, кто пренебрегал этими правилами, те, кто нарушал их, в большинстве

своём не дожили до старости, выбыли из игры раньше времени, спрыгнули с этого пути – кто в могилу, кто в бутылку, кто ещё куда. Лично я считаю, что человек, потерявший себя, спившийся, валяющийся по помойкам, по лавкам, по блатхатам, по больничным палатам – уже не человек, а жизнь его – уже не жизнь.

За всем весельем, которое я описываю, за всеми приключениями, какими бы забавными они вам не показались, стоит только одно: вы увеличиваете свои шансы потерять жизнь, а точнее – прожить её в заключении, и не дай бог, что до конца своих дней. Надо относиться к этому легко, подходить ко всему с холодной головой и всегда думать, прежде чем что-то делать.

Если вдруг вы решаете стать бизнесменом – изучите свой сегмент рынка, чтобы у вас не было разочарований, потому что дальше в бизнесе случаются свои приключения, как хорошие, так и плохие, и за каждой такой приличной суммой стоит чьё-то разорение, чьё-то горе. Деньги просто так к людям не прилипают!

То же самое в политике – вы должны понимать, что на этом пути вам придется многих людей подставить, подсидеть, «слить», и не факт, что те, кто был с вами раньше, будут с вами дальше. Вы не столько находите себе друзей, сколько наживаете себе врагов, которые будут вам завидовать, ставить палки в колеса, ждать момента, когда вы оступитесь или поскользнетесь.

Это применимо к любому направлению. Что человек пошел в полицию – там абсолютно то же самое! Есть люди, которые вам улыбаются, а про себя ждут момента, когда вас можно будет подставить, и есть друзья, которые будут с вами до конца, в нужный момент помогут, подставят вам плечо, протянут руку помощи.

Всё, что мы рассказываем в этой книге, применимо к любым обстоятельствам в этой жизни, и неважно, чем именно вы занимаетесь. Я занимался преступлениями и хотел быть хорошим преступником, который зарабатывает много денег, причиняя как можно меньше горя людям. У многих это, скажу я вам, не сочетается: если куш хороший, то можно и убить по дороге. Все мы знаем примеры очень удачливых людей, которые занимались недвижимостью.

«А что такого?» Квартира стоит несколько миллионов рублей, почему этот алкаш, наркоман, старик должен жить дальше? Не будет дедушки, кому он на хрен нужен, зато будет хата, которую переоформируют на того, на кого нужно. Огромное количество людей, не десятки, не сотни и даже не тысячи, сгнули за эти квартиры.

Так же сгнуло немало бизнесменов, которые спокойно зарабатывали свои деньги, пока бухгалтер, партнер или другое приближенный не решал про себя: «А чего я с ним делюсь? Зачем мне это надо? Я сейчас сделаю вот так, так и так, и всё будет доставаться мне и только мне». Сколько история знает заказных убийств в бизнесе, а были они, опять

же, именно из-за денег.

Здесь, наверное, будет правильно сказать, что когда вы выбираете свой путь, легальный ли, нелегальный, неважно, – на этом пути к успеху у вас будет множество моментов, когда вы будете вставать перед выбором – продать или разменять друга, подсидеть или подмять более серьезного конкурента. Вы можете потерять семью, потому что когда с вами случаются неприятности, не все готовы разделять с вами эту ношу, даже самые близкие люди.

Бывало и наоборот: когда люди теряли всё, они как раз и находили то, что они не могли найти прежде, в жизни, в которой у них всё было хорошо. Любящего человека, который будет вас поддерживать, когда у вас нет ничего. Такие ситуации мы и описываем: когда у вас есть всё, вам все рады, всюду за вами следуют друзья, подружки, приятели, знакомые.

Но стоит вам сесть в тюрьму – всё! Спасибо скажете, если найдется один-два человека, которые окажут вам помощь, и не факт, что все эти люди, которые вам улыбались, клялись в дружбе, верности и любви, к вам хотя бы на «свиданку» приедут, гостинцев привезут!

Относитесь к жизни как к игре – думаю, так будет правильно. В этой игре есть как хорошие, так и плохие моменты. А самое главное и самое ценное в человеке – его личность, то, как он переносит что славу, что испытания, что взлеты, что падения. Способны ли мы признать свои ошибки? Пойти людям навстречу? Как мы решаем свои проблемы? Из этого

и складывается мнение о человеке.

В заключении хочу сказать, что стоит выбрать правильный путь, а если вы выбрали неправильный, – вовремя сориентироваться и сделать выводы. Сердце и душа вам всегда подскажут, что вы что-то делаете не так. Если есть возможность поменяться к лучшему – надо меняться именно в этот момент, когда в вас есть запрос на перемену.

Деньги – это, конечно, хорошо, но не всегда они дают вам свободу. Для меня деньги – это инструмент, с помощью которого я решаю текущие задачи, это возможность путешествовать и помогать другим, – в том числе благодаря ним я могу быть уверен в том, что мой ребенок будет одет, обут и сыт.

Надеюсь, сказанное выше станет правильным посылом для тех, перед кем сейчас стоит необходимость сделать выбор. Кто-то занимается нелюбимым делом, кто-то хочет заниматься проектом, который ему, по большому счету, не интересен, но учитывая, что за это платят приличные деньги, можно наступить себе на горло и делать нелюбимую задачу.

Самое главное – найти себя, делать хорошее для людей, будь то выполняя свою работу или совершая правильные поступки, а всё остальное как-нибудь само собой уложится. И, не в последнюю очередь, стойко воспринимать проблемы, которые порой на каждого человека наваливаются. В этом нет, скажу я вам, ничего такого, жизнь, в принципе, штука полосатая.

Учитесь на моих ошибках и не повторяйте их, идите по жизни смело, смотрите людям в глаза и не делайте, по возможности, дурного, а если и сделали – исправьте свою ошибку, разберитесь в себе и идите дальше.

Глава 1

Детство

«Долго ещё будет выть эта собака? Заснуть, видно, сегодня не получится, – подумал я и попытался ещё раз проанализировать ситуацию. – Ясно было только одно: дела мои – дрянь».

С щенком алабая

Мало того, что при задержании мне разбили грудную клетку и, похоже, поломали ребра, так ещё сильно болела голова. Я окончательно открыл глаза, и реальность начала постепенно возвращаться, переместив меня в маленькую убогую камеру, освещенную тусклой лампочкой над дверью. Единственный сокамерник, мужик лет сорока пяти, спокойно спал себе на своём «шконаре».

«Год назад я уже бывал здесь, и всё обошлось, – усмехнулся я про себя. – Тогда мне повезло, потому что статьи были не мои, а моих приятелей, которых задержали. Один из них дал на меня показания, но грабежи были в соседнем районе. 91-й год, Путч, на то, чтобы разобраться со мной, просто не хватало времени. А вот сейчас ситуация уже другая. Грабеж, оружие, убийство. И ничего удивительного, что теперь меня бьют – бить меня тут будут ещё долго».

Камера выходила на то место, где сотрудники держали собак. Почему-то одна из них уже которую ночь выла, и моё и без того плохое настроение окончательно испортилось. Дела мои были настолько хреновые, что мне даже не хватало сил проанализировать ситуацию. А подумать было о чём...

Например о том, что утром коридорный как всегда постучит по железным дверям камер и громко скомандует: «На прогулку!», но для меня всё будет по-другому. Откроется «кормушка», я назову фамилию, в ответ прорычат: «Без вещей на выход!» Это значит, что меня снова поведут на до-

прос и, скорее всего, опять будут бить по голове. На столе в кабинете будет лежать лист бумаги и ручка, и хмурый дознаватель: «Пиши, как было».

А ведь эта картина ещё недавно стояла перед глазами. Только то был сон, и я спокойно рассказывал его своим приятелям во время Новогодних праздников. И мы смеялись, потому что ничего не предвещало какого-то воя собак и маленького окошка с решеткой. Всё было весело, все отдыхали, и никто даже не допускал мысли о том, что через две недели я всё это испытаю на своей собственной шкуре.

Эту ситуацию можно было пережить, если бы не пара «но». Уже две недели прошло с тех пор, как меня задержали, уже неделю – как бьют, а главное, что до сих пор нет моего адвоката, который сейчас был мне просто необходим. Оставалось только догадываться, сколько продлится эта канитель. Обычно на Петровке держат три дня, но меня держали гораздо дольше. Всё это наводило на мысль о том, что где-то сверху приняли решение дожать меня до признания. И с этой проблемой надо было что-то делать...

За окном начало светать, но в камере это совсем не ощущалось. В ноздри бил очень специфический и запоминающийся запах. Тогда я ещё не знал, что запах камеры въестся в кожу, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь, будет сниться и напоминать о себе даже спустя много лет на свободе.

До подъема оставалось ещё немного времени, и я вспом-

нил своё первое серьёзное преступление, «делюгу» из далекого 1988 года. Поехали мы на неё вдвоем, было мне тогда девятнадцать лет. Приятель мой остался в машине, а я взял нож и пошел на дело. Это была квартира, в которой жил барыга. Он занимался валютой и деньги держал у живущей там женщины.

Когда она, не ожидая никакого подвоха, открыла дверь, я приставил нож к её горлу и спросил, есть ли ещё кто-то в квартире. Она, выйдя из состояния шока, сказала, что в квартире одна. Я под ножом провел её в большую комнату, специально не закрыв за собой входную дверь. Через пару минут поднялся мой приятель, и мы приступили к осмотру квартиры.

Нашей добычей в тот день стали несколько тысяч долларов США и 80 000 рублей. Минут через пятнадцать мы закончили и ушли, прихватив с собой вещи, которые нам показались привлекательными, а именно: норковую шапку, дубленку, увесистый двухкассетник «Шарп» и ещё кое-чего, так, по мелочи.

Таким составом мы и погрузились в машину моего приятеля, был это ИЖ «Каблук». Поскольку больших сумок у нас с собой не было, шапку и дубленку я надел на себя, а двухкассетник держал на коленях.

Сразу на выезде со двора случилась неприятность – мы заглохли в большой луже под аркой. Я сказал своему товарищу: «Если минут через пять, максимум семь, ты не заве-

дешь машину, и мы отсюда не уберемся, то в эту арку заедут сотрудники милиции, которых уже вызвала потерпевшая. А мне будет очень непросто объяснить сотрудникам, почему я летним вечером катаюсь в норковой шапке и дубленке с огромным двухкассетником в руках, который стоит приличных денег».

Такую добычу упускать было нельзя! На неё мы могли позволить себе довольно много, ведь тогда годовалая «ше-стерка» стоила в районе 15 000 рублей. Получается, что каждый из нас мог себе позволить тогда две или три машины, при этом оставалась бы ещё целая куча денег.

Я закрыл глаза. А как было хорошо ещё пару недель назад! Ничего не предвещало беды для молодого двадцатидвухлетнего парня, у которого в это трудное для страны время уже было всё, о чём только можно мечтать. Своя квартира. Три машины, две из которых – иномарки, и, в зависимости от настроения, я мог садиться в любую. Любимая девушка, с которой было приятно встречаться и проводить время. Приятели, в которых я был уверен и с которыми мы регулярно ходили на дела.

Был и довольно редкий пистолет под названием *Smith & Wesson*, патроны от которого теперь фигурировали в уголовном деле...

Я не раз уже думал о том, как семья, как родители, пытался всё понять, что со мной не так. Может, в детстве что-то такое со мной произошло, что впоследствии привело меня

в уголовный мир? Но сколько ни думал, ни среди родственников, ни среди людей из близкого круга нашей семьи никогда подобные темы не поднимались и не обсуждались, все были порядочными интеллигентными людьми. Молодой парень из хорошей семьи, ничего ведь не предвещало... И вот мне двадцать два, я уже полгода отсидел в тюрьме, полтора – на «химии», а теперь ещё и Петровка замаячила...

С бабушкой и братом

Отец

Матушка – это самый любящий меня человек. Отец же

более замкнутый, наверное, потому, что он начальник. Он всегда был строгим и, по большому счету, прямого участия в моём воспитании не принимал. Вечно занятой, немногословный. Единственное, что могу сказать, – во время застолий и праздников это был человек довольно веселый, с удивительным чувством юмора, всегда притягивал к себе внимание гостей. Постоянно шутил, произносил тосты, одним словом, душа компании. А в жизни обычной – замкнутый, строгий, холодный человек. Вот такая вот метаморфоза.

С мамой

Что касается младшего брата... Так получилось, что я его чуть не убил, когда он ещё был совсем маленький, нескольких месяцев отроду. Матушка стирала в ванной, а он лежал на столе в гостиной, в пеленках, и орал. Я сам мелкий был, четыре года всего... Мама стирала долго, и я решил ей помочь, — я же видел, как она его качает? Ну вот, возьму на руки и покачаю.

А теперь представьте: четырехлетний, по сути, сопляк, бе-

рет грудничка на руки и начинает качать. Вскоре он замолчал. Я пошел тогда похвалиться матери – это его и спасло. Пришел к ней и показал:

– Смотри, мам, Гена перестал плакать.

С мамой и братом

Помню, как исказилось её лицо, она тут же вырвала его у меня из рук и унесла. Только потом она мне объяснила, что

так качать нельзя. Если качаешь младенца, голова его должна быть на руке, ближе к локтю. А я его взял на руки, и голова у него просто болталась... Он перестал дышать и мог просто задохнуться. Выходит, я брата тогда чуть не угробил, на всю жизнь этот случай запомнил... Второй раз это случилось, когда мне было где-то пять или шесть, то есть ему было где-то годика полтора-два. Я зимой на даче у бабушки катал его на санках. Маленький другого маленького катает. По двору, мимо деревьев, по тропинкам на участке. Весело, задорно, оглядываюсь периодически. И вдруг вижу – санки пустые. Стал смотреть, где он из них выпал, и обнаружил, что он не выпал, а повис рядом с местом, где у нас лежали дрова. Я бросился к нему. Оказалось, что он напоролся щекой на торчавший из одного из поленьев огромный гвоздь. А ведь зима, дрова под снегом, не видно ничего...

Я испугался, снял его с дров, принес в дом – кровища... И, самое главное, этот огромный гвоздь так неудачно торчал, что мог войти куда угодно. Несколько сантиметров выше – и я мог выбить ему глаз, проткнуть ему голову. Представьте себе, насколько дикая это ситуация. Но повезло, у него просто шрам на щеке остался.

Ещё один случай. Была зима, я учился тогда в классе втором или третьем. У меня мать ушла с утра пораньше на работу, попросив младшего брата отвести в детский садик. Причём когда она его собирала, я у него спросил:

– Ген, ты номер своей группы знаешь?

Садик тогда был большой, несколько корпусов, и надо было понять, в какой из входов его заводить – их там штук шесть было, наверное. И на каждом этаже – своя группа, два или три этажа, сейчас уже не помню.

Взял я его за руку и повел в сад. А поскольку я сам ещё школьником был, у меня на всё про всё минут двадцать выходило, благо садик был в десяти минутах ходьбы, недалеко. Привел я брата к зданию садика, спрашиваю:

– Ну, какой у тебя подъезд?

– А я не помню.

Я подумал, говорю:

– Постарайся вспомнить, куда тебя мама приводила вчера.

С братом

Он и показывает мне на один из подъездов. Я туда его завожу, понимая про себя, что время уже поджимает, ещё чуть-чуть – и я опоздаю в школу. Завожу его внутрь, нас встречает воспитательница со словами:

– А это не наш.

– Ген, ещё куда? – спрашиваю я, и он показывает на другую дверь.

Завожу – опять «не наш». Думаю, что с ним теперь делать? Это сейчас там взял телефон и позвонил. А тогда нужно было вернуться домой, дожждаться, пока мать приедет на работу, и только после этого звонить.

Потыркался я там ещё минут пять, смирился с тем, что в школу уже опоздал, и со спокойной совестью повел брата домой. Вышли с территории сада, идем по тропинке к дому. Вдруг навстречу нам мужик. Народу было мало, утро.

Он меня и спрашивает:

– А куда ты его ведешь-то? Садик же в другой стороне.

Я ему объясняю:

– Такая ситуация, брат мой не знает, где его группа.

– А ты чего?

– Да вот, в школу спешу, а он не помнит, куда его вести.

– Ну что, беги тогда в школу, я его отведу, в чём проблема? Мне все равно в ту сторону.

И я спокойно думаю, во, отлично, – отдал брата чужому совершенно мужику и побегал в школу. У меня даже мысли не было о том, что я что-то сделал не так. И только вечером, когда мать пришла с работы и спросила:

– Ну что, пойду я за Генкой. Всё нормально, отвел ты его в садик?

– Ну, нет, – говорю, – я-то его не отвел, – его мужик отвел.

– Какой мужик?!

– Генка не помнил своей группы, мы ходили, не нашли. Я уже вел его домой, когда навстречу нам показался мужик. Спросил, куда я брата веду. Я ему всё объяснил, и он мне сказал, чтобы я не переживал, потому что он сам сейчас его отведет, благо ему в ту сторону.

И тут я начал вспоминать все страшилки о том, что есть такие – маньяки... Регулярно ещё в советские времена всплывало, мол, в таком-то районе орудует маньяк, и там кого-то зарезали, убили, задушили и так далее. Тогда мне стало понятно, почему с матерью произошел такой шок. Получается, я, хрен знает кому, отдал брата, и человека я этого даже описать не смогу. Обычный с виду мужик, зима, он в пальто, в шапке, я даже примет никаких дать не смогу.

Мать побежала в детский сад за братом, а я сижу и думаю: «Ну все, мне хана. Сейчас выяснится, что брата в саду нет, вся вина на мне...» Мне было-то тогда в районе десяти лет, но уже тогда я понимал, что всё – он пропал. Я брата родного убийце отдал...

С двоюродными братом и сестрой

И представьте себе моё удивление, когда вечером мать привела домой моего младшего брата – я уже даже было успел смириться в мыслях с тем, что всё, ему хана. Расспросили его – так и вышло, действительно этот мужик его в садик отвел.

Я потом про себя подумал, и ведь действительно... Ко-

гда в садик ребенка отводишь, детей, которые рядом прыгают-бегают, запоминаешь со временем. Хотя я четко помню, что шел этот мужик в сад без ребенка... Наверное, тоже опаздывал, шел что-то донести – может сменку, может варежки, может ещё что. А поскольку он увидел знакомого ребенка, то сделал вывод, что он в той же группе, что и его ребенок.

А уж если это был бы маньяк или убийца, то он бы его забрал – и всё, с концами. Раннее зимнее утро, темно, его бы там никто и не вспомнил. Слава богу, что я, получается, отдал брата незнакомому мужику, который действительно отвел его в детский садик.

И четвертый раз. Мы уже были чуть постарше, была тоже зима. Мы пошли на футбольное поле у школы, а наверху были гаражи, получалась горка ледяная. Но поскольку на горке кататься нам иногда надоело, мы залезали иногда на гаражи. Там кругом сугробы, с них – на крышу одного из гаражей и вперед: бегали, играли в салки, в прятки... Гаражей там было много, в районе штук десяти-пятнадцати.

Мы с ребятами взяли с собой моего младшего брата, он тогда учился, наверное, в классе первом, я, соответственно, в четвертом или пятом. Вместе бегаем, играем. Вдруг вижу, как брат взмахнул руками – и пропал. Я спрыгиваю с гаражей, смотрю, куда он упал. Гаражи же железные, скользкие зимой. Нашел, подхожу, а он мычит, явно боль такая, что он даже говорить не может. Я его закинул на санки, привез

домой, и выяснилось, что он настолько неудачно упал, что сломал ключицу. Слава богу, что шею не свернул, что всё в итоге обошлось.

Вкусные яблоки

Школьник

Вспомнил одну историю из детства, в какой-то мере показательную, наверное. Собрали нас однажды, ну, первый класс, – только-только в школу пришли. И стали целый класс вызывать в кабинет, непонятно зачем. Мне-то откуда знать? Вышел мой приятель, пусть будет Васька. Я говорю: – Вась,

что там делается? – Да ничего особенного, спрашивают там, где живешь, где работают родители, как зовут родителей.

И здесь у меня возникла проблема: поскольку детский садик и школа у нас были в пешей доступности, я понятия не имел, как называется наша улица, какой у неё номер дома, а самое главное – я знаю, что родители где-то работают инженерами, но на каких предприятиях, что они там делают – я понятия не имел. В очереди огромное количество детей, у нас было в районе тридцати человек в классе – естественно, я понимаю, что они там просто для профанации записывают. Откуда мне было тогда знать, что у них в карточках наших личных дел всё написано.

Ну и думаю: вот Васька вышел, когда там меня вызовут, у меня же фамилия на П, она не в начале стоит. Тогда я сделал простую вещь. Я говорю:

– Слушай, Вась, назови мне свой адрес.

Ну Васька и называет, а я все запоминаю.

– А родители где у тебя работают?

Отец – там-то, мать – там-то. «Ну, вот и отлично, – подумал я про себя, – это тоже пригодится».

Вот подошло моё время заходить в кабинет. Сидят два работника, на вид – вроде психологи. Они меня вежливо и спрашивают:

– Как тебя зовут?

Я отвечаю.

– Как фамилия?

Тоже отвечаю.

– В каком классе учишься?

– В первом.

– Где ты живешь?

Ну, думаю, отлично, хорошо, что у Васьки узнал. Называю адрес Васьки. Они переглянулись.

– Точно?

– Точно.

Едем дальше.

– Хорошо, родители у тебя есть?

– Да, есть.

– Как зовут?

Я им называю имя отца, имя матери – это же я знаю.

– А где они у тебя работают?

И я опять леплю этих самых Васиных родителей. Отец работает там-то, мать работает там-то...

Меня несколько раз переспросили, мол, ничего не путаешь?

– А чего тут путать, я же вам только что сказал, могу ещё раз повторить.

– Ну хорошо, повтори.

Я опять называю тот же самый адрес и те же самые места работы моих родителей, которые, естественно, были не мои, а Васькины.

– Ладно, – говорят, – иди.

Вечером новость – родителей вызвали в школу.

– Что случилось? – спрашивают они меня.

– Не знаю.

А те на панике, не понимают, почему их ребенок в первом классе левые явки называет, левые адреса, левую работу родителей.

– Гера, а что случилось-то?

Я и рассказываю:

– Слушай, мам, я ж не знаю, где мой дом, я пешком до школы иду, пешком до детского садика ходил. Понятия не имею. А меня же спрашивают, надо что-то отвечать. Я Васькино всё и назвал.

– А наша работа?

– Знаю, мам, что наш отец – начальник, что он инженер, ну а где он работает – не знаю.

– Ну а я? – спросила меня мать.

– Тоже инженер, тоже не знаю, где ты там работаешь. Я Васькино всё и назвал.

– Ну молодец, – говорит, – иди.

После этой истории меня хотели было записать в неадекватные и вроде даже на учет куда-то поставить, но как-то оно, слава богу, обошлось.

Что касается музыки... Все знают «Рабочий полдень» и так далее, был у нас обычный катушечный магнитофон. Название не вспомню, обыкновенный старый допотопный магнитофон. На него ставились бобины, включали – и лилась музыка. Слушали мы тогда Окуджаву, Высоцкого. Под

Новый год нет-нет показывали международные концерты, и родители записывали их на катушки, тоже, бывало, переслушивали. Анна Герман была ещё, вспомнил.

Другим способом получать музыкальное удовольствие был проигрыватель пластинок. Но вот только там была не обычная пластинка, а бывший рентгеновский снимок, на который был нанесен звук, так называемые «кости». Тут вам и Пугачева, и Вертинский, и музыка из фильмов, тот же Луспекаев, к примеру, и так далее. Это был вариант для людей, которые пластинку купить не могли, а того или иного автора послушать хотели.

Семейные шахматы

Слушали Окуджаву, Высоцкого слушали с удовольствием, Вертинского и Ободзинского, – это из тех, кого просто не достать было, поскольку пластинок их не было. Причем Высоцкий, надо отдать ему должное, у него большой был цикл блатных песен. Тогда всё это было не достать, но мне каким-то образом попала кассета, где он именно блатные песни исполняет, – их я тоже с большим удовольствием слушал.

А ещё нам с братом отец написал сказку про листочек, мы в детстве её очень любили слушать, нам было безумно ин-

тересно. Висел листочек на дереве и рассказывал, что интересного видно в его родном дворе. Пришла осень, пошли дожди, подул ветер, и листочек этот оторвался с веточки, попал в ручеек, унесло его в далекие дали... Увидел тогда он, что не одним его двором мир ограничивается, узнал, что есть и другие дома, другие дворы, и всё там по-другому... Я до сих пор частично помню эту сказку, до того нам отец её интересно рассказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.